

Ни десять тысяч чжанов водной

бездны,

Ни тысячи слоев крутых высот Вовек не разлучат мечей чудесных,
Собрата горний дух всегда найдет.

Сколь выиграл бы такой правите.) получив мудрого советника, но мы
мы лишились бы Поэта. Потому что истинная поэзия — выплеск высоко духа
— несовместима со служением власти! Саркастически изобразил Ли Бо
спесивых вельмож:

Шарахаются путники с дорог, Надменный дух превыше Сун-горы. А в
теремах расставлен ряд треног — Их дома ждут обильные пиры, И пляски
Чжао, аромат румян, Напевы Ци, и звуки чистых флейт, Тенистый пруд,
игруньи-юаньян В тиши дворцов, куда не входит свет.

Увы, сарказм сарказмом, а в реальной жизни Ли Бо до последних дней
рвался ко двору. Он сильно гиперболизировал величие имперской столицы
Чанъани как центра мироздания! («Чанъаньский тракт уходит в небосклон»). Он
мечтал стать опорой императору — Сыну Солнца, как то требуют от
Благородного мужа «цзюньцзы» незыблемые принципы заложенные
мудрецом из мудрецов* Конфуцием.

Конфуций был нравственным ориентиром для Ли Бо. В последнем
своей жизни стихотворении он помнил Учителя с грустью — кому другому
можно поведать высокие помыслы Поэта?

Дрожит земля, когда летит величественный Пэн...

790

РАННЕЙ ОСЕНЬЮ В ТАЙЮАНИ

**Тускнеют дни, слабеют ароматы, Звезда Огня спустилась на закат,
Поля под утро инеем прижаты, К реке приносят осень облака. Луна над**